

Полина Гриневич

A romantic portrait of a young couple. The man, with dark hair and light green eyes, is in the foreground, looking off to the side. The woman, with long brown hair and blue eyes, is behind him, her face partially visible. They are both wearing dark, textured clothing. The background is a dark, smoky, and ethereal landscape with soft lighting that highlights their features.

ПОКА СВЕТИТ
СОЛНЦЕ

Полина Гриневич

Пока светит солнце

<https://litres.ru/74458838>

SelfPub; 2026

Аннотация

Анна Рейнхард — женщина, согласившаяся на опасный эксперимент ради вечной жизни. Но цена оказалась слишком высока. Анна потеряла способность чувствовать, любить, быть человеком. Оставалось одно — бегство. Когда учёные почти поймали её, произошло невероятное — солнечный свет вернул ей жизнь, эмоции и сердце. Теперь она должна разгадать тайну своего существования и понять, что важнее, бессмертие или возможность чувствовать.

Содержание

Глава	4
Глава 1. Плавление	5
Глава 2. Взгляды	10
Глава 3. Воспоминание	15
Глава 4. Распознавание	19
Глава 5. Изучение	23
Интерлюдия 1	30
Глава 6. Бегство	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Полина Гриневич

Пока светит солнце

Глава

Нужно впустить солнце внутрь, чтобы почувствовало сердце.

Эльчин Сафарли

Глава 1. Плавление

Анна снова взглянула на экран монитора. Нет, никаких сомнений быть не могло: ее дом, ее крепость, ее убежище было окружено. Камеры не вдали.

Гончие подбирались со всех сторон, опутывая окрестности паутиной электронных датчиков. Расставляли ловушки — механические приспособления и живых сторожей. Надежались, что сегодня она не рискнет бежать и сдастся.

На этот раз ей удалось избавиться от преследователей совсем ненадолго. Что ж, техника шагала вперед все быстрее, и ее, наконец, нашли. Люди работали с радостью: они двигали прогресс человечества.

Люди работали с радостью: они двигали прогресс человечества. Искали ее, она убегала, хотя могла прекратить эту погоню в любую секунду. Как все-таки странно!

Вечная жизнь... Само звучание этих двух слов заставляло их сердца биться чаще. Тем более что цель была так близка и... вдруг ускользнула из рук.

А ненависть — всего лишь еще одна человеческая черта. За все приходится платить. В том числе и за жизнь. Скрываясь в темноте.

Времени оставалось совсем мало.

Анна встала из-за компьютера и подошла к большому зеркалу. Этот образ ей нравился. Вряд ли удастся создать еще

раз нечто настолько идеальное.

Когда-то, в самом начале, она была иной: просто серой, обыкновенной. Может быть, именно из-за своей внутренней пустоты она и согласилась на все это.

Но отныне жалеть не о чем. Хотя Анна никогда и не жалела. Просто история чересчур затянулась, и она решила, что уже ничего не хочет.

Рука на мгновение замерла над кнопкой. Неужели у нее остались какие-то человеческие чувства? Страх? Любопытство, что будет дальше?

— Берегитесь солнечного света, Анна. Слишком интенсивное излучение может внести дисбаланс и разрушить межклеточную структуру.

— И тогда я умру?

— Э-э-э... Нет. То есть доподлинно нам неизвестно.

Бедняга Корнелиус... Интересно, что с ним стало? Впрочем, он давно умер и уже ничего не расскажет. Умер и его эксперимент. Так же как и она.

Палец нажал на кнопку. Электродвигатели заработали почти бесшумно. Жалюзи поднимались медленно, не спеша.

Штурмовики уже были у самого дома. В полной защитной броне они напоминали гигантских жуков.

Известно ли им, что иногда их называют смертниками? Выйти на бой с тем, кого невозможно убить, — то еще удовольствие.

Первые солнечные лучи коснулись кожи. Пара шагов, и

Анна стоит у окна. Солнце слепит, но не греет.

Ничто не может согреть ее. У нее нет чувств: они умерли вместе со всем остальным. Восемьдесят лет назад. Или дольше. Это неважно.

Солдаты опустили оружие и замерли по ту сторону стекла. Сквозь тонированные визоры их шлемов нельзя было различить лица.

«А мне так хочется знать, о чем они могут думать, глядя на меня», — пронеслось у нее в голове.

Мало кто может похвастаться таким зрелищем. Все же внешне она ничем не отличается от человека. Вот только сердце давно уже не бьется. И она даже не уверена, есть ли оно у нее вообще.

Похоже, что-то происходит. Будто дымка, серый туман появляется над ее ладонями. Искры черного мелькают то там, то здесь.

Солнце действительно действует. Может, она сгорит в его лучах? Или просто растает этим серым туманом, который густеет с каждой секундой?

Пожалуй, нужно ускорить процесс, пока тело еще подчиняется.

Анна скинула блузку, освободилась от юбки.

Короткий взгляд на солдат: они все так же стоят, опустив оружие. Немного обидно, что не видно их глаз.

Теперь туман окутывает все ее тело, и черных искр в нем становится все больше.

Если воспоминания не обманывают, раньше она любила купаться в солнечном свете. Ей было радостно от того, как тепло нежно ласкает ее детские ладошки.

Боль пробивается сквозь обрывки памяти. Но это все, что у нее есть. Она как молния во время ночной грозы: разрывает темноту так, что мгновенно слепнешь. Так же, как и Анна сейчас. Почему-то все перед глазами мутнеет, расплывается.

Похоже, это конец. Полный распад. Но, наверное, это очень красиво — раствориться в солнечном свете. Позже эксперты будут прокручивать эту запись раз за разом и рассматривать, как золотые лучи прорываются сквозь исчезающий силуэт. Начнут комментировать, обсуждать, шутить за чашкой кофе.

Внезапно ей стало так жаль себя. Странное, забытое чувство. Глаза защипало, и она уже не могла сдержаться. Словно на автомате подняла руку, и пальцы ощутили на щеке влагу.

Холодную влагу...

Анна плакала. Кажется, у людей это называется так.

Солнечные лучи окончательно разогнали окутавший ее серый туман. И она поняла, что чувствует.

Чувствует, как холод гранитной плитки проникает в босые ступни. Чувствует, как мурашки бегут по рукам. Чувствует, как солнечные лучи согревают кожу все сильнее и сильнее.

Запахи слетаются со всех сторон, обступают невидимой пеленой. От ворвавшихся в ее жизнь ароматов она задыхается.

ся и... вдруг, совершенно неожиданно, чихает. Раз, другой! Слезы катятся по щекам, и она не успевает их вытирать. Теперь ей тепло. И с каждой минутой все теплее. Солнце поднялось уже высоко, и комната залита ярким светом.

«Да, Корнелиус, это было опасно. Для вас».

Анна сделала глубокий вдох и закашлялась, потому что воздух с непривычной силой ворвался в легкие.

А под ее ногами несколько черных точек все еще дергаются в странном ритме. Они уменьшаются, тают, испуская ключья серого тумана. Исчезают.

Боль пронзает грудь, и Анна ощущает, слышит, как внутри нее что-то оживает.

Это начинает биться сердце.

И тогда силы ее покидают...

Сколько прошло времени, Анна не знала. Резкий запах вынудил ее открыть глаза, и она попыталась оттолкнуть от себя человека с ватой в руке, который наклонился над ней. Визор его шлема сдвинут на лоб, во взгляде — удивление и страх.

— Анна Рейнхард?

Она кивнула и улыбнулась.

Так просто — улыбнуться кому-то другому.

— Вы арестованы по обвинению в государственной измене.

Это так смешно. И так прекрасно.

Глава 2. Взгляды

Ожидание длилось не меньше десяти минут, а может быть, даже дольше. Анна сидела за столом в боксе одна и скучала. Взгляд здесь совершенно ни за что не цеплялся, поэтому она просто убивала время, делая небольшие глотки кофе с закрытыми глазами.

На пути сюда, около входа в комнату, ей встретился кофейный автомат, и она остановилась перед ним, не обращая внимания на сопровождавших ее здоровяков. Но, как обычно и бывает в таких местах, напиток оказался горячим, почти обжигающим и... абсолютно безвкусным. Без аромата. Никаким. В отличие от нее самой.

Теперь она тоже обладала собственным запахом, как и все окружающие ее предметы.

Потрясающе!

Хотя сейчас она уже немного к этому привыкла. Привыкла к оттенкам ароматов, преследующим ее на каждом шагу: терпким, сладким, горьким, ярким или непонятным, но таким близким — как вспышки неясных воспоминаний.

Анна видела старый мир не сквозь призму упорядоченного, не сквозь отметки вчерашнего, позавчерашнего и так далее, как разложенные по полочкам даты в календаре. Ее память рассыпалась и перемешалась, подобно содержимому банковских ячеек, вскрытых бандитами во время налета.

Будто в них хранились маленькие, но важные кусочки мозаики под названием «Жизнь». Вот только сложить эту мозаику было сложно. Может быть, для этого ей понадобится еще одна жизнь. Но ведь она уже живет, не так ли?

Человек по другую сторону стола появился, как призрак из тени. Он ступал почти беззвучно и старался походить не на живого мужчину в деловом костюме, а изо всех сил изображал функцию системы. Это было смешно, но Анна сдержалась, ведь еще не решила для себя, стоит ли ей смеяться всегда, когда она так считает.

На бейджике этого человека было написано «*Маурицио Боселли*», но он был словно запрограммированная многочисленными тренингами машина. Как датчик, включающий новую программу в зависимости от ответа «да» или «нет». А сама Анна была машиной, потерявшей машинную логику.

Так как ему было понять, что чувствует она? Живая!

В каждом отблеске света, в каждом солнечном луче, горячем до невозможности, мелькали кусочки того, что нельзя было назвать реальностью, того, что по большей части состояло из боли. Каждый фрагмент, вырванный из тьмы, отныне играл для нее совсем другими красками. Рассказ о том, как жить, будучи монстром. И что вообще такое монстр.

Когда Анну впервые вывели на прогулку жарким летним днем, случилось нечто. Позже врач объяснил ей, что это был обыкновенный обморок — гормональный шторм. Такое случается с женщинами, особенно молодыми.

В следующий раз ее вывели во двор клиники ночью. И она кричала. Билась в истерике. Ей нужно было увидеть солнце. Чтобы вспомнить.

А этот яйцеголовый в костюме... Разве он был способен ее понять?

— Анна Рейнхард?

На этот вопрос она отвечает, даже не глядя на него. Накручивает прядь волос на палец, только и думая о том, как бы все это поскорее закончилось.

— Родились в 1927 году?

Что ей остается? Просто кивает. Потом встает и подходит к окну. На нем шторы из тяжелой синтетической ткани. Чуть раньше это не стало бы преградой. Но сейчас...

— Да. Родилась. Может быть, зря.

Мужчина бросает на стол пачку фотографий.

— Зачем вы врете?

Анна смотрит на снимки. На них молодая девушка. Очень похожая на ту, из ее воспоминаний. Возможно, это действительно она. А возможно — и нет. Она очень давно не смотрелась в зеркало просто так. Очень...

— Что скажете, номер тридцать пятый?

— Вам не понять меня, Боселли.

— Почему же?

Анна пересмотрела фотографии еще раз.

«А ведь он нервничает. Хочет скрыть свое беспокойство за внешним холодом. Неужели считает, что именно со мной

так будет легче?»

— Когда появляешься на людях раз в несколько лет, никто уже и не помнит, какой ты была до этого. Даже ты сама.

Услышав это, человек напротив поправляет на груди бейджик и неожиданно расплывается в улыбке.

— Я вас понимаю. Вернее, пытаюсь это сделать, мисс Рейнхард. И у меня для вас хорошая новость.

Он сгреб фотографии в одну стопку и спрятал их куда-то под стол.

— Обвинения с вас сняты. Но мы все равно вынуждены просить вас остаться. На некоторое время.

«Обвинения? Забавно».

Анна принялась поправлять волосы, едва сдерживая улыбку. Обычно незакрепленные пряди вызывали у нее раздражение, но так она чувствовала себя более свободной. А заколки у нее все равно забрали.

Боселли терпеливо ждал, пока она закончит. Все с той же улыбкой, будто склеенной из нескольких кусочков цветной бумаги.

«Ему полезно подождать. А мне — покапризничать».

— Вы привезли мои вещи? Я не могу находиться тут, цепляя на себя это больничное тряпье!

— Мисс, мы начнем проводить исследования, брать кровь на анализ... Мне казалось, что такая простая одежда подойдет для этого лучше всего.

Конечно, он готов услышать ее ответ. И, конечно, она

должна сказать «да». Ее собираются исследовать.

«В этом, наверное, есть смысл. Определенно. Да и можно привыкнуть быть живой».

— Надеюсь, ничего болезненного? Или опасного для моей новообретенной жизни?

Боселли промолчал, только оттопырил нижнюю губу и медленно покрутил головой.

«Надо же. А я была о тебе лучшего мнения, мистер ученый».

Мужчина снова расплывается в лучезарной улыбке. Он так предсказуем.

— Тогда я согласна.

Глава 3. Воспоминание

Бюро медицинской компании выглядело так, будто сюда приходили не за помощью, а затем, чтобы поставить точку. Унылость без малейшего намека на шик. В углу диванчик с потертой обивкой, письменный стол с папками, засохшее дерево, а сквозь полуоткрытые жалюзи на узком окне с трудом пробивается луч света.

Менеджер то появлялся в этом луче, то снова растворялся в полумраке над креслом. В линзах его круглых металлических очков вспыхивали тусклые искры. Темнота скрывала его глаза, но Anne и не нужно было их видеть. Она пришла сюда не за этим.

Все началось со случайной вывески по дороге к мосту — к тому самому конечному пункту ее маршрута. *«Ваш вклад в продление жизни»*. Ниже, чуть кривовато: *«Оплата вперед»*. Щит стоял у подземного перехода, и ветер тихонько покачивал его за край. Анна поежилась. Лето выдалось промозглым и туманным.

С западной стороны города тянулся черный дым из труб сталелитейных заводов. Он привычно оседал на улицах, словно так и должно быть. Рабочие знали, что это ненадолго. Знали банкиры. Хозяева заводов тоже знали. Им уже не требовались толпы серых людей, которые каждое утро вливались в заводские ворота, а вечером выливались обратно,

едва переставляя ноги.

И уж совершенно точно никто не думал о ней — молодом бухгалтере без опыта, без жилья, без накоплений. И без жениха, которому не повезло в последний день бойни. Белая бумажка, полученная ею вчера, исключала сомнения.

Так что сегодня Анна поняла: у нее осталось только одно место для свиданий. И отправилась туда.

Ветер разбрасывал по земле обрывки вчерашних газет. На фотографиях люди радовались. Заголовки трубили победу.

Она неожиданно улыбнулась. Что ж, возможно, ее поступок и правда принесет человечеству пользу. Все лучше, чем несколько глотков грязной речной воды.

И вот теперь она сидит перед менеджером, скрывающим лицо в полумраке.

— Анна Рейнхард, вы ознакомились с договором?

Да, разумеется. Она прочитала все очень внимательно. В конце концов, она бухгалтер.

— У меня есть одно условие.

В линзах очков сверкнуло отражение электрической лампы. Кто-то вошел во вторую дверь, и воздух сразу стал чужим — резкий запах медицинского препарата ударил в нос. Спирт? Или хлороформ?

«Я все помню. Моя мать была медсестрой. Ненавистный аромат. Ненавистные воспоминания».

— Я бы хотела получить наличными только часть вознаграждения.

— А все оставшееся?

— Две трети — облигациями. Военных компаний.

Менеджер напротив не моргнул. Он просто сканировал ее сквозь линзы, в которых плясали бледные прямоугольники света. Чем не окошко терминала?

Сквозь приоткрытую дверь лился голос счастливого Армстронга. Джаз нынче торжествовал на всех широтах. А следом, почти в насмешку, из дальнего коридора долетел выкрик с тем самым странным акцентом — словно кто-то маршировал под другой ритм.

— Не вижу проблем, мисс.

Анна опустила взгляд, больше не желая смотреть ему в глаза, и дежурно улыбнулась его губам. Почти бесцветные, чуть дрожащие, они жили сами по себе. Странные. Она моргнула, и совсем уж нелепая мысль медленно проплыла на границе ее сознания: *«Если бы знала, что все так повернется, обязательно бы нарядилась»*.

— Мисс собирается жить вечно? — спросил человек сзади, не выговаривая некоторые буквы.

Так хотелось обернуться и заглянуть ему в глаза, но она лишь положила ладонь на край стола, выдохнула и начала ставить подпись на каждом листе договора. Аккуратно, черными чернилами, выводя внизу страницы: *«Анна Мередит Рейнхард»*.

Перо скрипело, как в школе. Будто кто-то нарочно подкидывал ей воспоминание о том времени, когда все еще мож-

но было исправить. Она прикусила губу до боли, чтобы не дрогнул почерк.

— Я собираюсь пережить всех вас.

— Конечно, Анна. Конечно. — В линзах очков менеджера на долю секунды появился отблеск лампы, как если бы кто-то провел по их поверхности пальцем. И он тоже споткнулся на звуке «р»: — Вы проживете долго. Я вам обещаю.

Оставалось надеяться, что он не ошибается.

— Но ведь это все не просто так? Чем-то придется пожертвовать?

Тот медленно сложил листы в тонкую папку и чуть поправил очки.

— Вы пожертвуете всем.

Глава 4. Распознавание

Сегодня профессор Боселли пришел к Анне на встречу в униформе врача — салатовой, спокойного цвета. И сам был похож на человека. Никаких намеков, угроз. Стетоскоп на шее — прямо киногерой.

Вот только жилка на виске подрагивала. Чуть заметно.

Может, он хочет выведать что-то прямо здесь? Но узнать больше о ее теле уже вряд ли получится. За последние дни люди в таких же костюмах провели столько анализов, экспериментов и исследований, что, казалось, должны были раскрыть все потайные уголки ее организма.

И все же с каждым новым днем она считывала их замешательство по мелочам. Вчера один лаборант уронил папку с результатами и тут же сделал вид, что ничего не случилось. Другой, проходя мимо, бросил взгляд на солнечный луч, упавший на пол, и поспешно отвернулся — будто свет делал все происходящее еще более странным. Или просто непонятным.

Ее заставляли бесконечно бегать по движущейся дорожке, поднимать тяжести, прыгать через скакалку, бросать мячи, набитые опилками. Чаще всего их лица оставались пустыми. Ведь почти все в ней было таким... обыкновенным. Как у любой другой женщины с ее комплекцией. Но иногда внезапно наружу прорывалось нечто совсем другое.

Тогда ее оставляли в покое на долгое время. А потом вновь засовывали в аппараты, вливали в вены какие-то вещества...

Сама Анна ждала только одного: когда ей позволят выйти во двор. Чтобы солнце коснулось ее тела. И души.

— Мисс Анна...

Она чуть не подскочила на стуле.

— Неужели теперь я уже не номер тридцать пять? Я снова человек?

Боселли прикусил ноготь на большом пальце. Это было так непохоже на обычно совершенно бесчувственного исследователя, что она растерялась.

Впрочем, это чувство — «растерялась» — спустя мгновение заставило ее сознание ликовать: еще одно человеческое состояние добавилось в эмоциональную копилку!

Она готова была расцеловать своего мучителя. И не могла сдерживать улыбку — улыбку в лучах солнечного света. Впрочем, в том свете, что проникал сюда сквозь двойное оконное стекло, почти не было жизни. Но это ей не мешало.

Профессор наблюдал за ней с каким-то болезненным вниманием.

— Может быть, нам стоило привлечь к работе с вами психолога?

— А для вас — психиатра?

Один из солдат у дверей не выдержал и издал нечто наподобие смешка. Анна улыбнулась ему. А вот Боселли продол-

жал грызть ноготь, старательно не встречаясь с ней глазами.

— Все ваши анализы как у нормального человека. Молодой, здоровой женщины. Но иногда...

Ей сразу вспомнился разбитый баскетбольный щит. Тогда ей было смешно. И немного страшно. Хотя в темноте она была способна и не на такое.

И профессор об этом знал. И другие, повыше его, тоже знали.

— Иногда вы становитесь в десять раз сильнее. Не скажете мне, почему?

Анне вдруг стало холодно. Мурашки побежали по спине и плечам. Она заметила, как один из солдат непроизвольно положил руку на кобуру. Хотя, скорее всего, они ничего бы не смогли. Или смогли бы.

Она медленно опустила ладонь на край стола, и солнечный луч как раз коснулся ее пальцев — тонкий, бледный, но настоящий.

— Я понимаю, что вы стоите перед дилеммой: убить и препарировать меня — и все равно ничего не найти. Или придумать способ исследовать мою живую ткань, не залезая внутрь, — и вновь ничего не выяснить. Я знаю. Вы боитесь. Но не можете отказаться от попыток. Все хотят жить вечно.

Боселли не ответил. Он уперся взглядом в стол и принялся выстукивать пальцами одному ему понятный ритм.

— А когда вы жили в темноте, вы также любили провоцировать собеседников?

Анна задумалась, пытаясь вспомнить, как это было совсем недавно. Тогда она еще пряталась от солнечного света.

— Мне это было не нужно. За меня это делали другие.

Потом она снова улыбнулась и скосила глаза в сторону охранников.

— Но сейчас мне это нравится. Не правда ли, забавно учиться жить заново, когда тебе уже сто лет?

Глава 5. Изучение

В комнате было душно. И это раздражало. Впрочем, здесь его раздражало все.

— Она нас не видит?

— Не видит и не слышит. Можете быть спокойны. Это место специально создано для наблюдений.

Сквозь тонированное стекло громадного панорамного окна сад казался кадром из сюрреалистического авторского кино: сумрачные тона чуть скрадывали яркое солнечное сияние. Девушка сидела в резном кресле в тени извечного дерева. Она раскрыла какую-то книгу и читала, шевеля губами.

— Это стихи?

Майлз приложил ладонь к уху, как если бы собирался уловить звук сквозь преграду.

— Квантовая физика.

— Что за чушь?!

Профессор Боселли рассмеялся. В его голосе звенел сарказм.

— В доме Анны нашли более двух тысяч различных научных трудов. В том числе по физике и информатике. — Он потер ладони друг о друга, словно в предвкушении. — *Vivere est cogitare!* Жить — значит мыслить! Ей подходит. Не так ли?

Майлз хотел придумать достойный ответ. В конце концов,

он выпускник Кембриджа, и латынью его было не смутить.

— Ваша протеежа слишком умна?

Боселли помрачнел. Тень накрыла его лицо прямо на глазах.

— Черт возьми, да! Умна и исключительно образована. И с этим нельзя ничего поделать!

Майлз не пытался его понять. В конечном итоге каждый в этом мире стремится к одному — заработать. Абстрактное знание — ничто. Капитал, сила воли, стремление к цели — вот самое важное.

— И что за книги собирала наша «ночная ведьма»?

— Физиология человека, молекулярная биология, ядерная физика. И это самый общий перечень.

— Станный список для женщины. Пускай даже такой особенной.

Профессор нахмурился. Он долго смотрел в сторону, не поднимая взгляда на собеседника. На стекле перед ним остался едва заметный след от его дыхания. Потом заговорил медленно, буквально размышляя вслух:

— Мистер Хаймер, я не просто так это утверждаю. У меня нет впечатления, что Анна нас опережает — я это знаю! Все, что мы только выясняем, ей уже известно. И, боюсь, в глубине души она просто посмеивается над нами.

Майлз сдержал удивление. И это заявляет руководитель целой лаборатории, где даже искусственный интеллект обрабатывает полученную людьми информацию?! Так откуда та-

кое уныние...

Он снова кинул взгляд на идиллию снаружи. Теперь у него было ощущение, что девушка в тени лиственной кроны читает какой-то роман. Выражение ее лица менялось, будто она действительно становилась героиней бульварной книжонки. Красивая. Изысканная. Но ученая? Сумевшая разобраться в том, что недоступно всей этой кодле пожирателей грантов?

— Профессор, в чем все-таки суть проблемы? Мой отец не может выбрасывать на ветер миллионы с таким постоянством. Тем более его здоровье уже не позволяет ждать результатов бесконечно.

Боселли, казалось, его не слышал. Он не отводил взгляда от девушки, которая по-прежнему не отрывалась от чтения. Она словно купалась в солнечном свете. Просто наслаждалась жизнью!

— Мистер Хаймер, говорят, у вас два высших образования. Если это не секрет, не подскажите, какие именно?

Майлз рассмеялся и потянулся, раскинув руки над головой. В отражении его силуэт на мгновение стал огромным и нелепым.

— Наверное, с вашей точки зрения, дорогой профессор, все это ерунда. Но именно эти две вещи правят миром: юриспруденция и экономика.

В этот миг он поймал короткий взгляд девушки. Она будто построила ему глазки — на долю секунды, не дольше, — и снова уткнулась в книгу. По ее лицу блуждала улыбка, и

Майлзу внезапно показалось, что в ней таится скрытая насмешка.

Боселли продолжил бубнить, разглядывая собственные ладони:

— Мы не знаем, как все происходит. Как это происходило. И что произойдет в дальнейшем. Каждый из «номеров» реагировал и реагирует по-разному.

— Меньше предисловий, прошу. От ваших экивоков у меня уже начинается мигрень.

Профессор отвернулся, подошел к шкафу, достал бутылку и налил себе в стакан янтарного напитка. Вопросительно глянул на Майлза. Тот лишь покачал головой. Сказать, что он был поражен, — все равно что не сказать ничего.

Сам он почти не пил. И не любил, когда люди в его присутствии позволяли себе лишнее. Алкоголь мешал мыслить здраво. Особенно принимать правильные решения. Его отец вложил во все это десятки, если не сотни миллионов, а он сейчас видел не результат, а панику того, от кого этого результата ждали!

— Вы понимаете, молодой человек, доктор Корнелиус был гением. Хотя — и это я говорю вам совершенно серьезно — он мог быть инопланетянином.

Боселли допил виски и снова взял в руки бутылку. На время его взгляд застыл на стекле, будто он видел сквозь него что-то совсем другое. Помедлив, он все же убрал бутылку обратно в шкаф.

— Да, я допускаю и это. Во всяком случае, он достиг успеха. В самом конце. А мы...

— То есть вы, профессор, допускаете, что несколько десятков миллионов долларов растворились в пространстве? А смерть этих «экземпляров»?

Тот потоптался у шкафа, вернулся к стеклу и оперся на него подушечками пальцев.

— Это солнце, мистер Хаймер. Мы все его дети. Разве он этого не учел?

Майлз поправил галстук и налил себе содовой. «*Трудно работать с дураками*», — мельком подумал он.

— Гений — и не учел? Можно подробнее?

Девушка в тени дерева смешно морщилась, отгоняя назойливую пчелу. Звук ее жужжания на миг прорвался в комнату, стал оглушительным и снова стих.

— Электромагнитное излучение. Надеюсь, вы знаете, что это такое?

В голосе Боселли звучала усталость — та самая, от которой не помогают ни виски, ни содовая. На лице проступили красные пятна.

— Вы издеваетесь, док?

Профессор скрестил руки на груди.

— Мы находим их по излучению от тел. От нас с вами оно тоже исходит. От всех органов — по-разному. И это можно отслеживать. — Он помолчал, будто каждое слово давалось ему с усилием. — Да, сегодня можно отслеживать все! Лю-

дей. Желания.

Майлз одернул манжету рубашки. Ему казалось, что он имеет дело с тем, кто давно потерял связь с реальностью. Цивилизация развивается. От этого не уйти.

— Когда Корнелиус внедрил образцам свои «молекулы», их тела начали потреблять энергию напрямую. Все замерло. Не умерло. Нет. Хотя... не так. Умерло, но не у всех.

Боселли потер лоб. Снова глянул на шкаф, вновь подошел к нему, постоял у дверцы и, не открывая, отступил.

— Теперь живут только его молекулы, и тела объектов выдают излучение иначе. Так мы их выслеживали и ловили.

Майлз вдруг прозрел: да он зря прилетел сюда! Все эти ученые и солдаты добились только одного — они поняли, что ничего не смогут сделать. А это значит, что отец умрет. Очень скоро. «Какое счастье», — подумал он с холодной, чужой иронией.

— Но солнце... Это их враг. Мы пока не знаем с научной точностью почему. Возможно, это комплекс параметров. Не один.

Профессор вновь повернулся к девушке. Она по-прежнему листала страницы книги и просто улыбалась. В его голосе сквозило отчаяние:

— Эти молекулы распадаются, и все начинает функционировать заново. Сердце. Печень. Легкие. В тела возвращается человеческая жизнь.

Девушка подняла глаза и посмотрела прямо на Майлза.

Встала и приблизилась к ограждающему стеклу. Что бы там ни болтал Боселли, она их определенно видела. А тот все бормотал, как если бы находился под гипнозом ее пристального взгляда:

— Темные молекулы прячутся внутри... И получается что-то новое...

На стекле появилась тонкая, едва заметная линия. Она побежала дальше, и треск стекла ударил по нервам — громкий, неприятный, будто мир дал первую серьезную трещину.

Тьма плюс свет.

«Может, стоит попробовать убежать?»

Нет.

Как же страшно. Но Анна Рейнхард по ту сторону улыбается.

Все-таки она очень красивая.

Интерлюдия 1

Из дневника Анны Рейнхард.

«Сегодня первый день.

Я решила вести дневник. Попросила принести мне тетрадь и авторучку.

Я люблю писать.

Мне дали только карандаш.

Когда я выйду отсюда, куплю себе «Паркер» с золотым пером. А пока потренирую почерк — делать все равно нечего.

Профессор настаивает, что все будет хорошо. Хочется верить.

Вот только что такое «хорошо» для этого немолодого человека? Чересчур веселого, позитивного. Создающего настроение.

Даже когда мне страшно».

«День второй.

Мне все безразлично. Но я все же буду писать.

Всякие анализы на самом деле меня совсем не интересуют. Я не умерла. А могла бы. Или даже обязана была.

Меня ничто не трогает. Смотрюсь в зеркало. Кто это?

Они говорят, что у меня все впереди. Что может быть впереди у той, что должна была умереть? Потому что весь мир хотел этого».

«День третий.

Пишу, и почерк у меня действительно улучшается. Миссис Рингстад наверняка поставила бы мне высокую отметку.

Сегодня все случится.

Случилось. Оказывается, еще в первый день.

Не понимаю, что именно.

Ничего не чувствую.

Но, наверное, мне могло быть грустно».

«День шестой.

Продолжаю писать.

Вокруг меня круговорот теней.

По-прежнему ничего не чувствую.

Корнелиус приходил и сказал, что он просто счастлив.

А я ко всему безразлична.

Наверное, начну учить французский.

Все равно ведь не сплю».

«День двенадцатый.

J'écris et je meurs de nostalgie. С французского это: «Пишу и умираю от ностальгии».

Не думала, что этот язык такой простой.

Днем мне не разрешили выйти гулять во двор. В глазах людей — страх.

Читаю. И читаю.

Что мне остается?»

«День шестнадцатый.

Мне не хватает книг.

Корнелиус уверяет, что я не умру.

Но как это возможно?

Он тоже не знает. Но скажет позже.

Я спросила его... Нет, не стану писать».

«День двадцать седьмой.

Все так же пишу. Почерк опять испортился: слишком тороплюсь.

Сегодня я поняла, что мое сердце не бьется.

Как это может быть?

Что, если я все-таки умерла?

Корнелиус обещает, что шанс есть.

Но смотрит в сторону. Он тоже боится?

Утром я выбила железную дверь в коридор.

Мне просто захотелось, чтобы кто-нибудь пришел.

Я, наверное, уже не человек».

«День семьдесят второй.

Ночь такая звездная. Это красиво.

Я ушла.

У меня никогда не было велосипеда.

Жаль.

Похоже, это такая жизнь.

Или нет».

Глава 6. Бегство

Анна давно привыкла бодрствовать по ночам. Ее никто не беспокоил, и можно было заниматься делами по своему выбору.

Хотя слово «беспокоил» уже исчезло из ее словаря.

Теперь она очень редко видела чужие лица — раз в неделю, не чаще. Все эти исследования и анализы превратились в череду бессмысленных действий, которые не приносили ничего нового — ни ей, ни ее творцу.

А как еще можно было назвать того, кто создал из теплого живого тела — холодную живую статую?

Профессор Корнелиус, наверное, единственный, кто не боялся прикасаться к ней. Он приходил и пытался объяснять происходящее.

Смешной человек. Сыпал терминами, которые ни о чем ей не говорили.

Из них она уяснила только одно: время для нее остановилось.

Сердце больше не отсчитывало утекающие секунды и минуты.

В его представлении это было бессмертием. Для Анны это не значило ничего. Следующие годы, десятилетия, столетия уже не могли принести ей того, что составляет жизнь обыкновенной женщины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.